

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470.6).07+327(470.6)

ББК 63.3(235.7)-64

Ч 54

DOI: 10.53598/2410-3691-2023-3-324-44-54

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
С РОССИЕЙ, ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ
В КОНЦЕ XVII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.**

(Рецензирована)

Анжела Каплановна ЧЕУЧЕВА

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

anjela.cheu4eva@yandex.ru

Аннотация. Период конца XVII — первой трети XVIII вв. является переломным в историческом развитии Северного Кавказа. Кавказ попал в череду непрекращающихся войн, частота и масштабы которых превосходили все предыдущие эпохи. Северный Кавказ оказался в треугольнике крупных игроков на международной арене. Дряхлеющий Иран и разваливающаяся Османская империя стремились за счет приобретения кавказских территорий решить свои внешнеполитические и внутривосточные проблемы. Российская империя расширяла свои рубежи. Соперничающие державы полем своего противостояния сделали кавказские земли. Население региона поневоле втягивалось в политическую игру, навязанную извне. Кавказские народы, не всегда осведомленные обо всех нюансах большой игры, вынуждены были в непростых условиях принимать решения и нести все тяготы своего «выбора». В новейшее время кавказский регион остается геополитическим форпостом, за который идут многочисленные сражения. Проблема актуальна тем, что изучение ее позволяет объяснить те причины, в силу которых интерес к региону не ослабевает и сегодня. Целью статьи является изучение политики России, Турции и Ирана на Северном Кавказе в контексте местных политических реалий изучаемого периода.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, Османская империя, Иран, военные походы.

Для цитирования: Чеучева А.К. Северный Кавказ во взаимоотношениях с Россией, Турцией и Ираном в конце XVII — первой трети XVIII вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 3 (324). С. 44-54. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-3-324-44-54.

Original Research Paper

**THE NORTH CAUCASUS IN THE RELATIONSHIP
WITH RUSSIA, TURKEY AND IRAN
FROM THE END OF THE XVII CENTURY
TO THE FIRST THIRD OF THE XVIII CENTURY**

Anzhela K. CHEUCHEVA

Adyghe State University, Maykop, Russia

anjela.cheu4eva@yandex.ru

Abstract. The period from the end of the XVII century to the first third of the XVIII century is a turning point in the historical development of the North Caucasus. The Caucasus region was caught in a series of continuous wars, the frequency and scale of which exceeded all previous epochs. The North Caucasus found itself in the triangle of major players on the international stage. A weakened Iran and a crumbling Ottoman Empire sought to solve their foreign policy and domestic problems by acquiring Caucasian territories. The Russian Empire expanded its borders. The rival powers made the Caucasus lands the field of their confrontation. The population of the region involuntarily got

involved in a political game imposed from outside. The Caucasian peoples, not always fully aware of all the nuances of the great game, were forced to make decisions and bear all the burdens of their "choice" in difficult conditions. In modern times, the Caucasian region remains a geopolitical outpost that witnesses numerous battles. The problem is relevant because its study allows us to explain the reasons why interest in the region has not weakened even today. The aim of the article is to study the policies of Russia, Turkey, and Iran in the context of the local political realities of the North Caucasus during the analyzed period.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, Ottoman Empire, Iran, military campaigns.

For citation: Cheucheva A.K. The North Caucasus in the relationship with Russia, Turkey and Iran from the end of the XVII century to the first third of the XVIII century// Bulletin of the Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology». 2023. Iss. 3 (324). pp. 44–54. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-3-324-44-54.

Введение. Северный Кавказ, расположенный на пересечении главных коммуникаций между Европой и Азией, с давних пор был объектом внимания со стороны соседних геополитических соперников — Османской империи, России и шахского Ирана (см.: Приложение 1). Предметом исследования в статье является политика России, Ирана и Турции по отношению к Северному Кавказу в конце XVII — первой трети XVIII вв. Хронологические рамки работы охватывают период рубежа XVII–XVIII вв., когда Россия четко объявила о своих приоритетах в регионе, до конца 30-х гг. XVIII в., ознаменовавшихся оттеснением Россией с политической карты региона Османской империи и Ирана. Изучение проблемы позволило выявить несколько аспектов, рассмотрение которых дало более объемную картину происходивших процессов в регионе. Во-первых, анализ места Северного Кавказа в политике Османской империи, Российской империи и шахского Ирана. Во-вторых, исследование политики Турции, Ирана и России на Северном Кавказе в контексте местных политических реалий.

Методы. Методологической основой исследования являются классические для исторических исследований принципы историзма и научной объективности, которые предполагают рассмотрение каждого исторического явления в контексте изучаемой эпохи, выявление разных подходов к исследуемой проблеме и формулировку объективных выводов. В процессе работы над темой был использован причинно-следственный метод, позволяющий выявить истоки событий. Метод историко-системного анализа позволил рассмотреть международные отношения в северокавказском регионе как часть мировых отношений. В статье предпринята попытка комплексного исследования северокавказского региона в системе международных отношений. Освещены и проанализированы отдельные аспекты политики России, Ирана и Турции. На основе сопоставления письменных данных И.Г. Гербера и составленной им карты стало возможным создать историческую репрезентацию событий той отдаленной эпохи.

Источниковую базу по данной теме отличают многообразие и в то же время неоднородная плотность во времени. Для рассмотрения поставленных в работе целей и задач были использованы опубликованные источники, в их числе — официальный актовый материал, записки путешественников, переписка и картографические источники. Среди первой группы источников важнейшим источником являются «Договоры России с Востоком, политические и торговые», изданные Т. Юзефовичем [1]. В сборнике представлены тексты документов — политические и торговые договоры России со странами Востока, заключенные в период с 1700 по 1867 гг. Предметом нашего изучения является раздел «Договоры с Турцией» [1; 1-184], к исследуемому периоду относятся три важнейших договора с Османской империей: Прутский 1711 г., Константинопольский 1730 г., Белградский 1739 г. Раздел «Договоры с Персией» включает Санкт-Петербургский договор 1723 г., два

Рештских договора (1729 г., 1732 г.), Гянджийский 1735 г. [1; 185-230]. Одной из первых работ по северокавказскому региону XVIII в. является исследование И.Г. Гербера [2]. Будучи хорошо образованным человеком, во время пребывания на Кавказе он составил описание и карту региона (см.: Приложение 2). Важными являются отмеченные на его карте границы различных историко-этнографических областей Кавказа. Сопоставление его письменных данных с картографическим материалом даёт максимально полную картину региона [3].

Результаты и обсуждение. Одной из первых стала проявлять активность в северокавказском регионе Османская империя, ставившая целью программу последовательного расширения своей экспансии. Утвердившись в бассейне Черного моря в конце XV в., Порта использовала Крымское ханство в качестве плацдарма для расширения своего влияния на Кавказе. Крымские ханы, прочно связанные с османами, были проводниками политики Порты в регионе. Периодически крымско-кавказские отношения перерастали в военные столкновения, сопровождавшиеся походами крымских ханов вглубь Кавказа. Более частым объектом военной экспансии ханов был Северный Кавказ.

Одной из тактических задач, стоявших перед Портой, считалось укрепление политического влияния на берегу Каспийского моря. Для борьбы с Ираном, имевшим прочные позиции в прикаспийском регионе, предполагалось оттеснить его с северной стороны. Порта также намеревалась использовать горские народы в качестве заслона продвижению России на Кавказ.

Но в течение XVII в. внутри Османской империи нарастали проблемы, которые мешали приступить к реализации планов. И хотя империя все еще расширялась за счет завоевания обширных территорий в различных частях Старого света, она подходила к своим рубежам, далее которых уже не смогла расширяться. XVII в. оказался сложным и с точки зрения внутривосточной прочности османского государства. Кризис военно-ленной системы привел к дестабилизации экономики. Феодалы Порты не были ориентированы на вложение средств в свои угодья. Большая часть военной элиты османов стремилась к получению прибыли в военных походах. Но расширение Османской империи не могло продолжаться бесконечно. Объединение европейских государств: Австрии, Польши, Венеции и России, в «Священную Лигу» оказалось той преградой, преодолеть которую османы не смогли. Итогом противостояния «Священной лиги» и Османской империи стало подписание Карловицкого договора 1699 г. и Константинопольского трактата 1700 г. Порта впервые в своей истории теряла значительные территории [1; 1-10]. Части земель перешли Австрии, Польше, Венеции. Россия, остро нуждавшаяся в выходе в морские просторы, приобретала Азов.

Петр I, занимавшийся созданием российского флота, начал перестройку и заселение азовской крепости, построил новую гавань Таганрог. Но политика Петра не была поддержана союзниками по «Священной лиге». Прошедший в Карловицах в 1698-1699 гг. мирный конгресс, завершивший войну, показал, что союзники не желают воевать с Портой. Стремление российской дипломатии добиться уступки крепости Керчь было воспринято как чрезмерное. Таким образом Карловицкий мир принес лишь перемирие на два года [4; 28-29]. Ввиду проблем в связи с балтийским направлением внешней политики России восточное направление на какое-то время перестало быть приоритетным в политике Петра. По Константинопольскому договору от 3 июля 1700 г. «кубанская сторона» становилась зоной влияния османов. Таким образом, граница между Османской империей и Россией проходила в районе Азова и низовьях Днепра. В соответствии с текстом договора [5; 374-383],

началось размежевание российско-турецкой границы. Границей со стороны Крыма признавалась река Миус, со стороны Кубани Россия получала уезд, размер которого определялся на расстоянии 10 часов конной езды. В 1704 г. граница у Азова с кубанской стороны была определена на местности русско-турецкой комиссией. Глава российского внешнеполитического ведомства Ф.А. Головин писал, что «комиссары границы учинили и признаки высыпали» [6; 217]. Для обозначения границы соорудили специальные курганы из земли и камня. Курганы располагались напротив друг друга на расстоянии 16 саженей. На русской стороне поставили крест [4; 31]. Картографические материалы в период заключения договора составлены не были [7; 63].

Потерпев поражение от лиги европейских государств, Порты решила взять реванш на Кавказе. По мнению Порты, здесь складывалась благоприятная обстановка. Сефевидский Иран в конце XVII — начале XVIII вв. переживал эпоху экономического и политического упадка. Власть шаха стремительно теряла свою легитимность. Обширная, но разноплеменная империя оказалась внутренне непрочным государством и не выглядела сильным противником [8; 11]. Поэтому Порты рассчитывала его потеснить. Позиции России в кавказском регионе, по мнению Порты, также были непрочными. Большая часть населения исповедовала ислам суннитского толка, а турецкий султан считался халифом всех правоверных мусульман. Интенсивное использование ислама суннитского толка в противовес шиитскому Ирану также предоставляло преференции османам.

Оплотом турецкой политики в регионе всегда было Крымское ханство. По приказу османов крымчаки могли в короткий срок собрать многочисленную армию. Знакомая с кавказской внутрирегиональной раздробленностью Порты издавна проводила политику столкновения различных народов и манипуляции горской элитой. Веками проверенные методы предполагалось применить и в реалиях конца XVII в. — начала XVIII в. Но стареющая империя не поспевала за ходом исторического развития. Султан Мехмед II, выбирая вектор развития, не учел фактор растущего влияния России, возглавляемой молодым, энергичным правителем — Петром I.

Но, как известно, неудачный Прутский поход Петра I в 1711 г. привел к возвращению крепости Азов Турции. Турция активизировала свою политику на Кавказе, используя своего постоянного союзника — Крымское ханство. В своих донесениях в Москву кабардинские князья подчеркивали, что после подписания Прутского договора 1711 г. [1; 11-14] крымские войска не раз разоряли территории Северного Кавказа. В соответствии с Адрианопольским мирным договором 1713 г. Россия пошла на новые территориальные уступки, теряя все Запорожье [9; 36-43]. По итогам договора российско-турецкая комиссия определила новые границы, по ходу которых насыпали курганы и составили новую карту [7; 88]. Русский посол в Стамбуле П.П. Шафиров, сообщая о своих переговорах с реис-эфенди, отмечал, что Порты выступала за покровительство этим территориям со стороны Польши.

Тем не менее Россия предпринимала шаги по противостоянию турецкой политике в регионе. Вмешательство еще одного крупного игрока в дела северокавказского региона привело к разделению горской элиты на два лагеря. Например, в среде кабардинской элиты один лагерь, возглавляемый князем Ислам-беком Мисостовым (ок. 1660-1732 гг., последний при поддержке крымского хана Саадат-Гирея был объявлен старшим князем Кабарды), поддерживал политику Порты в регионе. Проводниками политики России были князья, группировавшиеся вокруг Арслан-бека Кайтукина (? — 1746 гг.). Арслан-беку оказывал помощь астраханский губернатор

А.П. Волинский. При поддержке России из Кабарды были выдворены сторонники политики Порты в регионе [10; 86, 88-89].

Имея большой опыт управления в рамках своей империи, османы сталкивались кавказских правителей с иранскими властями, умело используя внутривосточную нестабильность Ирана. Достоверную информацию о событиях того периода в регионе дают записи Иоганна Густаву Гербера. Являясь по происхождению немцем, он находился на русской службе. По поручению Петра I перевозил артиллерию в Астрахань. Работы Гербера отличаются большой исторической достоверностью, так как основаны на личных наблюдениях умного и образованного человека.

В 1722 г. он участвовал в Персидском походе русских войск, затем командовал русской артиллерией при взятии Дербента. По версии И. Гербера: «Когда в 1722 году по приближении российского войска к Ширвани Хаджи Дауд (Хаджи Дауд-бек Мюшкюрский — лезгинский военный предводитель, правитель Ширвана — прим. автора) и Зурхай (Сурхай-хан Казикумухский — правитель лакского государственного образования, существовавшего на территории Дагестана — прим. автора) под турецкую защиту поддались, и для того Хаджи Дауд сам в Царь Град поехал, чтоб там пользу их обеих сыскать, то он больше о себе одном старался, а Зурхая оставил, что и турки ево, Хаджи Дауда, ханом шамахинским канфирмовали и укрепили, а Зурхая мало почли» [2; 44].

Непродуманная политика Порты, по мнению И. Гербера, способствовала дальнейшей политической дестабилизации в регионе. Так как Сурхай-хан «...на Хаджи Дауда великое сердце возымел», так как его ханом не признали, а предпочли ему Дауд-бека, «которой родом мужик простой, великим человеком сделали, а его как родного князя и владельца оставили и так обидели, он в Порту поддаться не мог, пока он реванжу над Хаджи Даудом не получит, ибо он через ево обманство так уничтожен, и для того себя принужденным видел показаться, что он человек и на сем свету еще жив, чего ради он и Хаджи Дауду не токмо великия явныя обиды показал, ко и туркам через джаров и других лезгинцов учинил, что оные себя принуждены видели ево, Зурхая, к себе великим ласканием привлекать и привести» [2; 44]. Порта в декабре 1722 г. приняла в свое подданство Дауд-бека Мюшкюрского, признав его в качестве верховного правителя Дагестана и Ширвана, «... чтоб он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев» [2; 44].

Удачный Каспийский поход Петра I в 1722 г. привел к тому, что русские войска заняли приморскую полосу Каспийского моря от Аграханского залива до реки Милюкент за Дербентом (см.: Приложение 2). После завершения Северной войны Петр I, считающийся основоположником восточной политики России, не стремился к войнам с Турцией. Он избрал персидской вектор восточной политики.

Дауд-бек не решил стоявшие перед ним задачи. В 1727 г. он был смещен и вывезен вместе с семьей на территорию Османской империи. Порта сделала ставку на Сурхай-хана Казикумухского, который не всегда шел в фарватере турецкой политики, прибегая к покровительству Ирана. По мнению И. Гербера: «Прежде сего хаси-кумуки всегда были люди вольные, а несколько лет до ребелии стал Сурхай подданным персидским счислен быть, только больше именем, нежели делом, ибо султан турецкой ево пожаловал юсбашою и давал ему на год по 200 руб., чтоб его чрез то держать от воровства, которое непрестанно чинил» [2; 44].

Порта использовала и других влиятельных кавказских владетелей. В числе последних оказался шамхал Адиль-Гирей, недовольный ущемлением своих прав после отъезда Петра I. Разочаровавшись в России и обнадеженный турками, он стал готовить нападение на главный центр российского влияния на Кавказе — крепость

Святой Крест. И. Гербер отмечал по этому поводу, что «турки его подговаривали, чтоб он российскую партию оставил и их покровительство обнял», обещая «против России охранять и оборонять» [2; 43].

В течение 1725 г. Адиль-Гирей два раза штурмовал крепость Святой Крест, но потерпел поражение, попал в плен и был сослан в Архангельскую губернию. По мнению исследовательницы К.С. Махмудовой, «...к середине 20-х гг. XVIII в. четко обозначается противоборство уже не двух, а трех держав, которое нарастало все столетие. По мере осознания стратегической значимости Кавказа в борьбе за выход в Черное море, в целях сохранения и укрепления позиций на Каспии, нарастали, соответственно, усилия России в расширении союзно-вассальных отношений с народами и государственными образованиями на Северо-Восточном Кавказе» [11; 212-213].

Итогом турецко-иранского противостояния стало заключение в 1727 г. невыгодного Ирану Хамаданского договора.

Но необходимо помнить, что политика Турции по присоединению к владениям султана территории на Кавказе всегда встречала решительное сопротивление местных народов. Интриги, уговоры, подкуп различных противоборствующих сил далеко не всегда имели результаты. По тонкому замечанию И.Г. Гербера, Порты смогла воздействовать на жителей Ширвана, но дальше «наступила дагистанская земля, которую мерить невозможно, яко мерить не дают, противятца оружием» [2; 45].

В 30-гг. XVIII в. произошло изменение в правящих домах Ирана и Турции. Полководец Надир после продолжительных неурядиц стал фактическим правителем Ирана, начав новый этап борьбы с Турцией за сферы влияния на Кавказе. Население, уставшее от ига османов, было готово поддержать в борьбе шаха Ирана. Обстановка в Турции способствовала этому. В 1730 г. был свергнут султан Ахмед III, в стране началась политическая борьба за власть. Это создавало благоприятные условия для планов Надира. В сентябре 1730 г. он овладел Тавризом и Ардебилем. Шах послал в Ширван Сурхай-хану подарки и указ с требованием быть верным, взамен он даровал ему Тарковское шамхальство.

Одновременно Надир вел подготовку к походу на Эривань. Но восстание в Хорасаране и убийство его брата заставили заняться подавлением восстания. В отсутствие Надира шах решил поднять подорванный авторитет. В 1731 г. он начал военные действия против турецкого султана. Чтобы заручиться поддержкой кавказских правителей, шах издал фирман, в котором призывал поддержать его в борьбе против османов. В Ширван к Сурхай-хану была послана делегация из 20 человек, но Сурхай-хан не принял предложение шаха. Убив 19 посланников, двадцатого он послал с отказом.

Неудачными оказались и военные действия шаха. В апреле 1731 г. он проиграл сражение у Эриваня, после которого турецкие войска двинулись в Южный Азербайджан. По требованию турок Сурхай-хан принял участие в этом походе. Но не имея продовольствия и не получив материальной поддержки со стороны Порты, Сурхай-хан занялся грабежом окрестных деревень. Предпринять решительные меры против хана османь не могли, так как нуждались в его поддержке. В конце 1731 г., чтобы умиловить Сурхай-хана, Порты прислала ему подарки. Но подарки не смогли заставить хана организовать поход на Кубу [2; 45].

Иранский шах, потерпев поражение, отказался от продолжения военных действий и в январе 1732 г. в Карманшахе подписал мирный договор. Но этот договор оказался временным. Вернувшийся Надир сверг шаха Тахмосиба II и провозгласил шахом Ирана его восьмимесячного сына Аббаса III, объявив себя

регентом. Был аннулирован мирный договор с Турцией. Турция и Иран начали новую войну, события которой затронули и кавказские земли. На помощь Турции в регионе пришел ее верный вассал — Крымское ханство. На Кавказ в 1733 г. двинулся 25-тысячный конный корпус крымского царевича Фаты-Гирей Султана. В Чечне к нему присоединился старший чеченский князь Айдемир. Но Россия не была заинтересована в усилении влияния Порты в регионе и поддержала Иран. Русская армия нанесла серьезный урон крымчакам, лишь их часть прорвалась в Дагестан.

Надир одержал решительную победу над османами, в сложившихся обстоятельствах султан запросил мир. Надо иметь в виду, что политическая активность Ирана и Турции в регионе была обусловлена также тем, что правительство Анны Иоанновны (1730-1749 гг.) вернуло Ирану по Рештскому договору 21 января 1732 г. и Гянджинскому трактату 10 марта 1735 г. Азербайджан, Гилян, Дагестан, Мазендаран и Астрабад [1]. В свое время эти земли были приобретены Петром I по Петербургскому договору 1723 г. Капитулянтская политика привела к выводу русских войск с этих областей и позволила турецкому султану Махмуду I (1730-1754 гг.) попытаться занять эти области.

Заключение. Исходя из анализа фактов, изложенных в данной работе, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, в своей политике на Северном Кавказе царская Россия, как и шахская Персия, и султанская Турция, преследовала свои цели, не учитывая интересы горских народов. Османская империя стремилась предотвратить свой распад, перейдя в наступление, и укрепиться в регионах, на которые претендовал шахский Иран. Иран за счет массированных походов в Закавказье и Северо-Восточный Кавказ стремился не допустить к своим границам Турцию и Россию. Эти события следует рассматривать как близко взаимосвязанные, которые предопределили дальнейшую судьбу региона.

Во-вторых, верным проводником турецкой политики на Северном Кавказе было Крымское ханство.

В-третьих, поход русской армии под руководством Петра I на Кавказ в 1722-1723 гг., занятие прикаспийских районов Дагестана и Азербайджана, переход их под покровительство России, последовавшее за этим появление новых русских поселений привели к расширению сферы внешней политики России. На Северо-Западном Кавказе началось размежевание русско-турецкой границы, определялись зоны османского и русского влияния.

В-четвертых, отношения горской элиты с Россией являлись комплексным, многогранным явлением. Это способствовало тому, что пусть и формально, но в «русском подданстве» оказывались влиятельные феодалы, которым назначалось царское жалованье.

В-пятых, население региона поневоле втягивалось в политическую игру, навязанную извне. Кавказские народы, не всегда осведомленные обо всех нюансах большой игры, вынуждены были в непростых условиях принимать решения и нести все тяготы своего «выбора».

Таким образом, в конце XVII — первой трети XVIII вв. Кавказ оказался буферной территорией, на которой замыкались периферии трех соперничающих держав в регионе — Османской империи, Персии и России.

Примечания:

1. Юзефович Т. М. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book456128/#page/322/mode/1up> (дата обращения: 17.06.2023).

2. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1723 г. // История, география и этнография Дагестана в XVI-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.

3. Карта Каспийского побережья от Волги до Куры, составленная Гербером в 1728 г. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гербер,_Иоганн_Густав (дата обращения: 02.06.2023).

4. Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция: проблемы формирования границ. М., 2006.

5. Письма и бумаги императора Петра I: в 6 т. СПб., 1887.

6. Письма и бумаги императора Петра I: в 6 т. Т. 3. СПб., 1893.

7. Никифоров Л. А. Формирование русско-турецкой границы в первой четверти XVIII в. // Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII — начало XX в. М., 1972.

8. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX — начало XX века). М., 2010.

9. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. 5. № 2687. СПб., 1830. URL: <http://nlr.ru/> (дата обращения: 17.06.2023).

10. Ахмадов Я. З. Российское повстанческое движение конца XVII — начала XVIII века и народы Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. 1975. № 1. С. 84-92.

11. Махмудова К. З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII — 20-е годы XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2013.

References:

1. *Yuzefovich T.M.* Treaties between Russia and the East, political and commercial. SPb., 1869. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book456128/#page/322/mode/1up> (access date: 06.17.2023).

2. *Gerber I.G.* Description of countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea in 1723 // History, geography and ethnography of Dagestan in the 16th -19th centuries. Archival materials. M., 1958.

3. Map of the Caspian coast from the Volga to the Kura, compiled by Gerber in 1728. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gerber,_Johann_Gustav (access date: 02.06.2023).

4. *Oreshkova S.F., Ulchenko N.Yu.* Russia and Turkey: problems of border formation. M., 2006.

5. Letters and papers of Emperor Peter I: in 6 volumes. St. Petersburg, 1887.

6. Letters and papers of Emperor Peter I: in 6 volumes. Vol. 3. St. Petersburg, 1893.

7. *Nikiforov L.A.* Formation of the Russian-Turkish border in the first quarter of the 18th century // Formation of Russia's borders with Turkey and Iran. XVIII — early XX centuries. M., 1972.

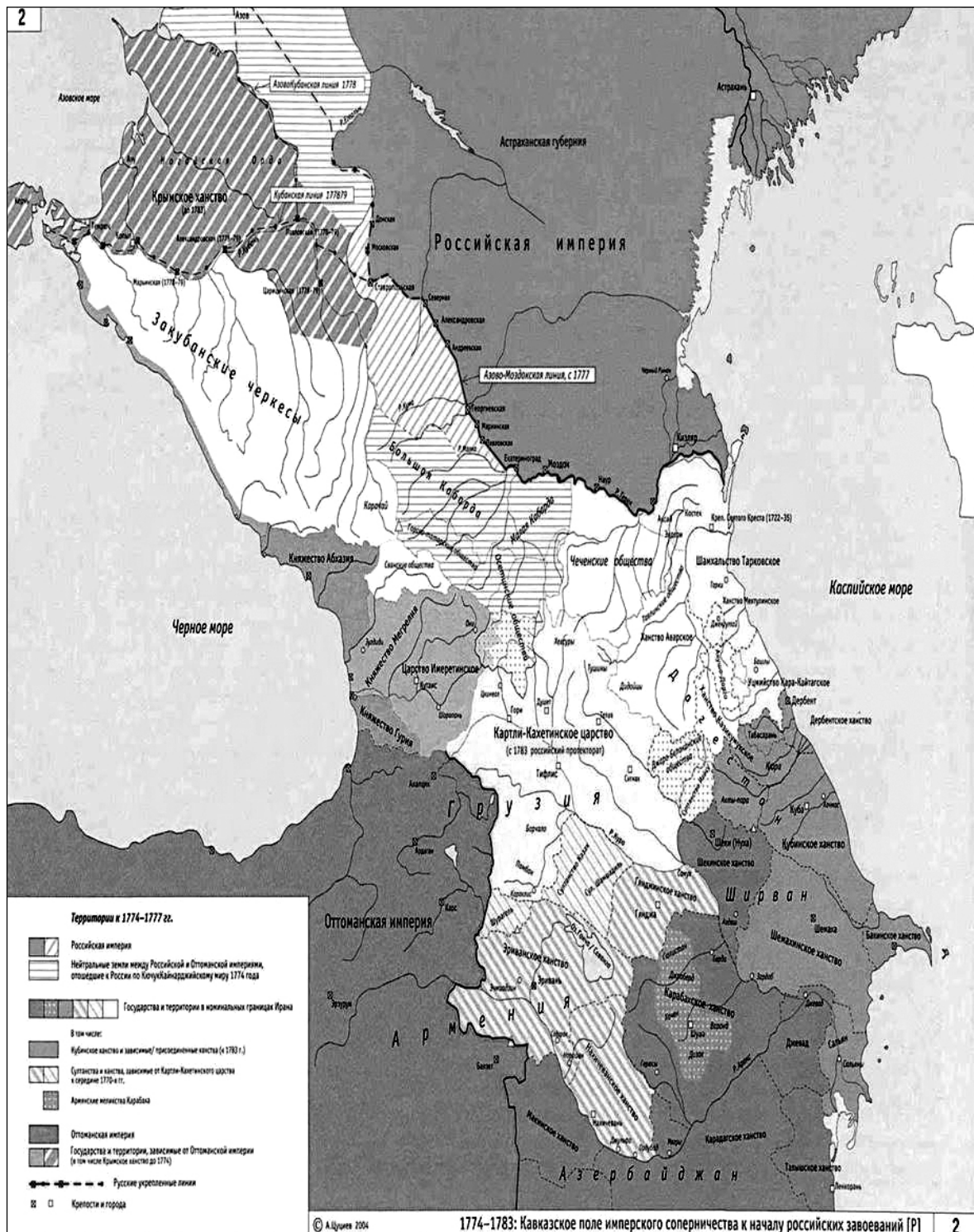
8. *Kulagina L.M.* Russia and Iran (XIX — early XX centuries). M., 2010.

9. Complete collection of laws of the Russian Empire: in 45 volumes. Vol. 5. No. 2687. St. Petersburg, 1830. URL: <http://nlr.ru/> (access date: 17.06.2023).

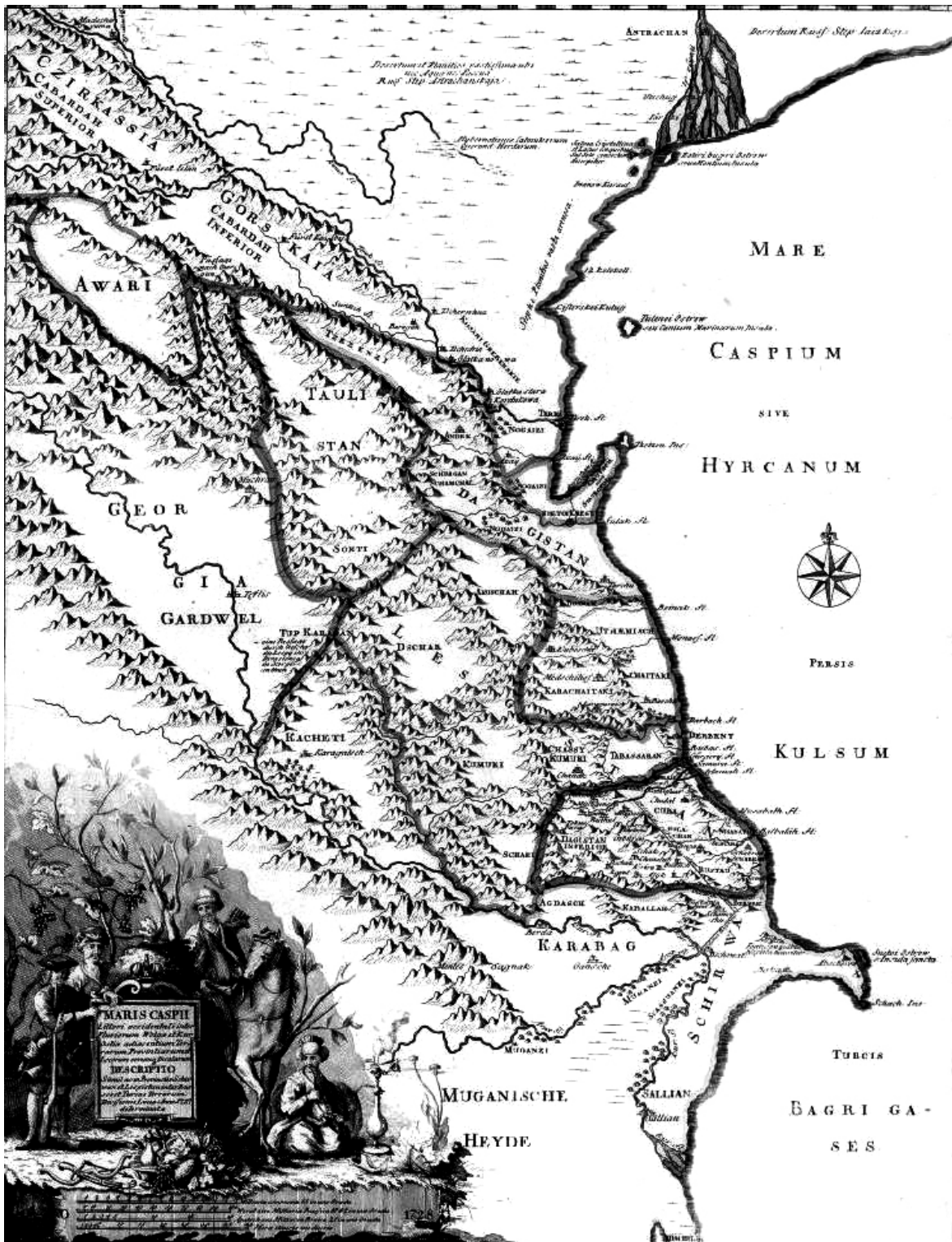
10. *Akhmadov Ya.Z.* Russian insurgent movement of the late 17th — early 18th centuries and peoples of the North Caucasus // News of SKNTsVSh. Social Sciences. 1975. No. 1. P. 84-92.

11. *Makhmudova K.Z.* North-Eastern Caucasus in the politics of Russia, Iran and Turkey in the 18th — 20ies of the 19th century: Diss. for the Dr. of History degree. Vladikavkaz, 2013.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карта 2 (1774–1783). Кавказское поле имперского соперничества к началу российских завоеваний. Источник: Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа. Москва: Издательство «Европа», 2007.

Приложение 2. Карта Каспийского побережья от Волги до Куры, составленная Гербером в 1728 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гербер,_Иоганн_Густав (дата обращения: 2.10.2016).

Статья поступила в редакцию 25.06.2023; одобрена после рецензирования
01.07.2023; принята к публикации 03.07.2023.
The paper was submitted 25.06.2023; approved after reviewing
01.07.2023; accepted for publication 03.07.2023

© А.К. Чеучева, 2023